

УДК 1:316

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК ФОРМА САМОСОБИРАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ю.Г. Хаёрова

Аннотация

Пространство и время не существуют сами по себе, а полагаются жизнью человека. Пространство и время тесно связаны с жизненным предназначением, осуществлением жизни человека. Жизнь человека определяется как субстанция пространства и времени и рассматривается как процесс собирания себя человеком в целом в пространстве и времени через механизм «осовременивания» человеком бытия, через *со-бытие* жизненному миру. Человек собирает себя по типу произведения-«пойэмы» актом автопозирования. Только в современном участном *со-бытии* жизненному миру человек живет подлинной «живой жизнью».

Жизнь – очень общее, широкое понятие. Жить может и животное, но только у человека может быть жизненное пространство и время, он живет в пространстве и времени, чувствует их, у него есть свой способ жизнепроживания, образ, уклад жизни. Он не просто пребывает в пространстве-времени, но выступает субъектом, творческой преобразующей силой по отношению к ним, делает для себя значимыми, вкладывает свой человеческий смысл и значение во все возможные виды пространства и времени. Не человек пребывает во времени и пространстве, а время и пространство пребывают в человеке, то есть нет другого пространства-времени, которое можно было бы назвать «нечеловеческим». Поэтому жизнь в пространстве и времени – это специфически человеческое качество.

Жизнь для нас есть не безличное первоначало и особая субстанция, но конкретная, человеческая «действующая жизнь», жизненный мир человека, присутствующий только ему. Эта «действующая» жизнь должна еще стать живой жизнью. М.К. Мамардашвили обнаруживает, что в жизни есть мертвые структуры – не подлинные, собственные чувства и поступки, а стереотипные, стандартные. Такие мертвые структуры участвуют в жизни, являются ее частью [1, с. 7], а живое оказывается вынуждено отвоевывать себе время и место. Только когда человек осознает себя во времени и в пространстве, «держит время», он не «мертв», живет «живой жизнью». Значит, жизнь не всегда способна быть «живой», и человеку может не хватать жизненности.

Понятия жизненности и человечности, на наш взгляд, равнозначны, совпадают по содержанию. Действительно, представляя человека и его жизнь не совпадающими по объему, мы полагаем человека пассивным мертвым существом, плывущим по «реке жизни», и сама жизнь оказывается мертвой абстрактной

средой с абстрактным пространством и временем. Для жизни человека не свойственно такое бытие. Напротив, человек есть его жизнь, а жизнь человека является субстантивирующим началом для времени и пространства, которые выстраивают жизненную форму человека. Таким образом, жизненную форму человека можно мыслить как сосредоточение всей прожитой им жизни. Форма (объем, тип) человека соотносится с его жизненным путем и отражает качественные характеристики его жизни. Так, В. Дильтей замечает: «формообразование – это всеобщее свойство жизни» [2, с. 132]. Объем человека собирается его жизнепроживанием.

Однако мыслящий в экзистенциалистском ключе М.К. Мамардашвили утверждает, что «человек есть страсть... быть чем-то, а не что-то. То есть человек не есть предмет, а есть направленность к какому-то состоянию. Такого предмета, как человек, в мире нет...» [3]. Человек – это существо, по сути, превосходящее самого себя и даже мир. Поэтому полная собранность человека принципиально невозможна, возможен лишь бесконечный процесс собирания, конец которого может означать только смерть человека. Отсюда – невозможность определения человека: он не слагается, его не собрать. Человек, как бы он ни стремился собраться в одно, разделен внутри себя (раздвоен и даже расстроен), хотя бы в силу способности к рефлексии. Это может означать, что внутри человека живет несколько сущностей, он живет многими жизнями, и в человеке на личностном уровне существует сразу несколько уровней и форм пространства и времени. Человек – это не собранное и не собираемое в одно существо. Однако, на наш взгляд, чтобы что-либо превзойти, необходимо, чтобы было это «что-либо» – была до известной степени константная форма. Все же необходима некоторая собранность человека – устойчивые жизненные структуры – иначе не будет собирания, а будет только «кручение» в дурной бесконечности, потерянное время мертвой жизни.

«Живая жизнь» человека выстраивается по особым экзистенциальным законам души и «великодушия», в отличие от законов природы и социальности. «Живой человек» собирает себя в противоречивое драматическое целое через проблематизацию и актуализацию, в акте великодушия делая современными и соппространственными себе смыслы-ценности жизненного мира. «Великодушие», по мысли М.К. Мамардашвили, есть «наша способность вначале вместить, принять даже то, что нам кажется непонятным или неприятным» [3]. Тогда становится возможным диалогическое пространство, а значит, появляется место для нового и возможность личностного роста. Поэтому великодушие необходимо полагает величину человека, личность.

Жизнь человека может быть осмыслена через термин «автопоэзирования», самопроизведения или «собирания» (М.К. Мамардашвили) себя человеком в живое целое собственной жизнью. Тогда наша жизнь предстает как своего рода событие-произведение, оформление себя (самотворчество, «автопоэзис», словами Ж. Делеза [4]), создание цельного стихотворения-«пойэмы» (С.А. Смирнов [5]), выстраивание События жизни (Ж. Делез), где человек предстает одновременно творцом, материалом и результатом творения. Человек только тогда живой человек, когда совершает усилие, чтобы быть «произведением», умеет творить себя и свою жизнь. Причем собирание человека как «пойэмы» – это процесс не стихийный, а предполагающий рефлексивное движение мысли, «вдохи-

выдохи», ритм, сборку-разборку собранного тела. Жизненное пространство и время человек обретает в процессе осовременивания, *со-бытийствования* смыслам жизненного мира: в акте катарсиса человек здесь обретает духовный опыт и собирает жизнь в целое – переходит на качественно новый уровень бытия, добавляет «мерность» в жизненные структуры.

Но если такой переход не совершается, то мертвая хронология не дает место живой душе – количество не перерастает в качество, и в жизни человека появляется так называемая «дурная бесконечность». По определению М.К. Мамардашвили, – «это такие «кручения», где мы не вынесли никакого опыта и урока, ситуация, когда все повторяется снова и снова, не интегрируется в структуры. А чтобы это перестало повторяться, эта ситуация должна стать для нас событием, мы должны стать причастными ей, быть ей современными» [1, с. 100–101]. На наш взгляд, это означает, что проблемная ситуация не должна стать мертвым комплексом, а должна быть включена в структуру пространства-времени жизни человека – стать предметом работы: должна быть обращена из настоящего в прошлое с расчетом на будущее, чтобы был вынесен урок жизни. А то, что почувствовал и понял здесь и сейчас, невозможно точно так же почувствовать и понять в другом «здесь и сейчас». Следовательно, каждое место и момент сакральны в жизнепроживании: каждая секунда дорога, можно и потерять навсегда, упустить эти особые «здесь и сейчас».

Бесконечность и вечность могут быть мертвыми («дурными») и «живыми» («умными»). Если «дурные» бесконечность и вечность расположены в повседневности и исчерпываются количеством, то «живые» бесконечность и вечность существуют по законам души в мире сверхповседневном. Дурное пространственно-временное единство повседневности дать живую вечность не способно. Оно может быть лишь средством, а не целью, помогать попасть в вечность – быть «трамплином» для перехода в гиперреальность. Если же «дурная вечность» оказывается принятой за «вечный смысл», за истину, то происходит подмена гиперреальности псевдореальностью. Повседневное воспринимается как эон-гиперреальность (бог заменяется иконой, любовь – сексом, знания – оценкой в дневнике). «Псевдореальность» способна дать лишь «дурную бесконечность» течения-накопления не собираемых в целое частей, не принося чувство удовлетворения, не делая человека счастливым.

Величина фигуры человека собирается в акте перевода мертвых смыслов в живые, «современные» человеку, когда, словами М.К. Мамардашвили, «современное или проблематичное будет выступать... перед нами как нечто, что мы не можем освоить и понять, приводя в действие умения, которые у нас уже есть, а должны что-то над собой сделать. Не с проблемой сделать, а с собой, пытающимися ее понять» [3]. Современность, поэтому – это прежде всего «необходимый способ отношения к самому себе», стремление изобрести себя. Современным для человека является то, что волнует его, значимо для жизни, что содержится в его жизни как необходимое условие и элемент самой жизни, поэтому современность – это пространство и время жизни, сама жизнь. Современное и человек оказываются в одном бытии, событийствуют. А *со-бытийствуя* современному, человек оказывается не пассивным наблюдателем жизни, а деятельным *со-участником* и владельцем собственного пространства и времени.

Жизнь человека и сам человек – это целый жизненный мир. Понятие мира является фундаментальным для понимания феномена жизни человека, ведь, в отличие от обитающих в среде животных, жизнь человека проходит в жизненном мире. Жизненный мир человека, по представлению М.К. Мамардашвили, аналогичен сетке, имеющей узлы – сетке Мебиуса, «собору», конструкции, месту жизни, «только оказавшись в котором мы имеем определенные мысли и состояния» [7, с. 150–151]. Жизненный мир – это источник жизни: дом, подлинное место жизни человека, место его обитания, где человек чувствует себя защищенным, откуда он черпает энергию и смыслы. Жизненный мир – это домашний мир. Причем, «дом» здесь следует понимать не только как материальный дом детства и другие дома, в которых жил-обитал, был хозяином, но и «дом» духовный, культурные смыслы, в которых человек также обитает и хозяйствует. «Домашнее» жизненное пространство (и время) является ядром (стержнем, корнями) всей жизненной поэмы человека, собирает, центрирует человека в целое и ведет сквозь жизнь (см. [8]). В «доме» человек собирается в центр как целое. Эта сосредоточенность, центрированность дома дает опору, фундамент нашему стремлению ввысь.

Поэтому для обозначения родины, фундамента (почвы) сборки человека используется мифологема дома (дом, родина, память, «утроба матери», «мир церемоний», мир гиперреального). Дом – это подлинное экзистенциальное место человека вопреки онтологической бездомности человека. В детстве и в мифе нет разделения на повседневность и чудо, но по мере взросления этап детства «сворачивается» в устойчивую структуру «дома», одно целое «место-время», обрастающее затем «оболочкой» взрослой жизни.

Человек сам, своей деятельностью, выводит себя в измерение бесконечного и вечного, которое как бы вырастает из горизонтального хронологического течения жизни, создавая вертикаль. Так, человек одновременно стремится ввысь, в рацию, и в глубину иррационального. Следовательно, мы можем говорить о разнонаправленности жизненного хронотопа Дома (и жизни человека в своей основе): человек одновременно «центр» и «вертикаль», собирается к себе и разбегается от себя вверх-вниз, но тем самым – собирается. Поэтому человека возможно описать только по принципу дополнительности. Человек оказывается разорванным диалектическими противоречиями внутри себя (временен, но стремится в вечность, конечен, но своей деятельностью выходит в бесконечность, собирается в центре и в вертикали, живет и умирает одновременно). Однако единство этих противоречий создает границы, организует, оформляет жизнь человека в одно целое. Все возможные измерения времени и пространства – конечные и бесконечные, временные и вечные – содержатся в человеке и порождаются им в процессе его жизни.

Человек – существо временное и пространственно ограниченное, преходящее, неуловимое. И как таковое, он не может обрести опоры в себе самом – человеку нужна вечность, чтобы ощутить свою онтологичность, свое бытие. Метафизические события в «обретенном времени» дают такую вечность, которая может стать онтологическим основанием человека, несмотря на то что *определенного* места они все же дать не могут. Вечность предстает как предельная полнота и фактор создания времен; а бесконечность – как предельная пол-

нота и источник пространства. Вечность и мгновение, бесконечность и пустота диалектически взаимосвязанны. Поиск моста между вечностью и мгновением, бесконечностью и точкой приводит к формированию континуумности пространства и связи времен через историческое изобретение социально-культурных концептов вертикали-горизонтала, креста, цикла, зона...

Истинную вечность и бесконечность являет живое событие. Здесь – особая «страстная», вечность, внутри нее – событие, становление смысла; оно хранит, утверждает жизнь и тем самым делает вечной. Существуют схроны «живой жизни» – своеобразная кладовая «обретенного времени», склад человеческого-жизненного, «побед над временем», благодаря которым ценности остаются ценными, несмотря и вопреки течению времени и людским смертям: искусство, мораль – общие, ключевые человеческие смыслы. Такие схроны позволяют выстраивать жизнь заново, «с нуля», заново рождаться, не теряя себя. «Живая» событийная современность не есть хронологическая современность – точка, дата «здесь и сейчас», скользящая по стреле времени. «Живая» современность, напротив, протянута из прошлого и будущего в настоящее, поэтому современными для нас могут быть прошлое (например, воспоминания, приобретенный жизненный опыт) и будущее (когда мы говорим себе, что отложим дело до завтрашнего дня). Жизненное время не течет постоянно и независимо от человека, а открывается ему только в акте живого *со-бытия* человека и мира. Такая квазивременность отражает свойство постоянной современности мира человеку. Живое пространство не однородно и не плоскостно, оно многомерно и разнородно: бывает не везде, а собирается в определенных выделенных местах, устанавливая разные степени присутствия человечности-жизненности – так многомерен и неоднороден сам человек.

Поиск живого жизненного пространства и времени человека закономерно выводит к проблеме **естественного, истинного, настоящего** для человека пространства и времени. Ведь человек всегда находится в настоящем времени. К примеру, вспомним представление Августина Блаженного о настоящем как о единственном реальном времени или «парадокс настоящего» Э. Левинаса, что человек может существовать лишь в настоящем времени, которое он, однако, схватить не способен. Заметим, настоящее – это не исключительно временное понятие (то есть временное настоящее), оно включает и представление настоящего в пространстве: не только «сейчас», но и «здесь». Настоящее, следовательно, это пространственно-временная структура.

Слово «настоящее» прочитывается в двух смыслах – как имеющееся, данное здесь и сейчас и в то же время подлинное, истинное пространство и время. Настоящее, по мысли Ж. Делеза, предстает одновременно как переход (течение) и устойчивость (отрезок времени). В связи с этим мы выделяем два способа «прочтения» жизни человека в пространственно-временных терминах: с одной стороны, жизнь как непрерывная длительность-протяжение, целое и без границ (живое, событийное, зоничное) и, с другой – как совокупность рубленых мгновений и позиций в пространстве (застывшее, размеренное, хронологичное). Оба способа описания одного мира, события, человека взаимодополняют друг друга и немыслимы один без другого.

В российской социально-гуманитарной науке известно понятие «хронотоп» М.М. Бахтина, которое, на наш взгляд, дополнительно акцентирует связь пространства и времени, хотя вместе с тем несет и смысл их онтологической разделенности. Если эон – в вечности и бесконечности и поэтому не нуждается в конкретном пространстве, то хронос в нем нуждается. Хронос болен пространством, поэтому хронос – это всегда *хроно-топ*: хронос-время и топос-место.

Хронотоп – это своеобразная форма выражения жизни как *определенного*, законченного, установленного, конкретного, чувственно-наглядного образа жизни, явленного, внешнего мира, а не самой жизни как таковой. Поэтому хронотопичное представление может дать лишь образы мира и его частей, образы человека и периодов его жизни, что не равнозначно качественно иным по своей сути жизни и живому человеку. Хронотоп в принципе не способен дать актуальную живую беспредельность живого человека: человек или событие, оформленное в хронотопе, предстает в виде внешней завершенной (пред)заданности. Хронотоп способен лишь описать повседневное измерение, дать застывшие, устоявшиеся структуры человеческого, и потому это понятие недостаточно для описания жизненного пространства и времени. Эон же выходит в экзистенциальное измерение, само *со-бытие* «живой жизни» человека.

Эоничные феномены, основанные в вечности и бесконечности, аннулируют роль категории количества применительно к жизни – значимо только ее качество, наполненность настоящего момента. Поэтому в жизни-эоне не обязательно действует принцип «позже – значит лучше». События здесь существуют не «после», а вместе – все сразу. Они не исключают друг друга, поэтому нельзя определять человека по последнему в его жизни поступку (например, по моменту его смерти), а только по всей жизни сразу.

Эон – это единое вечное Событие жизни, то, что не может быть разделено на части, неделимое и неограниченное в силу своей неопределенности (нет пределов). Хронос же – это время, пожирающее своих детей, членившее их на неприродные, механические части-«секунды». Истинная «живая жизнь» человека – это жизнь в событии, которая измеряется только вечностью-Эоном.

У эоничной души нет особого предзаданного места, она не привязана к определенному времени-хронологии – человек чувствует и мыслит исключительно сам и всем своим существом, как целое. В этом смысле душа – это утопия. И благодаря такой «неуместности» и «несвоевременности» души, человек способен обладать всеми местами, перемещаться во времени. Человек, даже находясь в настоящем «здесь и теперь», способен в хронологических рамках своей жизни через *со-бытийствование* (присутствие в событии) прорываться в другие измерения – в вечное, бесконечное, в прошлое и будущее и даже в то, чего нет (в мечте и надежде, например): может брать взаймы у будущего («сделаю это завтра») и продлевать прошлое (памятью или продолжая вчерашнее дело). Так как пространство-время жизни имеют основание в пространстве-времени души, то законы хронологии и топологии здесь не действуют, обычная пространственно-временная логика может не работать. В Эоне человек находится всегда в состоянии заново-рождения (термин М.К. Мамардашвили), поэтому у него нет возраста, а воспоминания, как и года, не расположены в сознании человека во временной последовательности – любви все возрасты покорны, и

всегда можно заново родиться. Хронологию выстраивает биограф, а живую жизнь невозможно выстроить как линию. В ней нет начала и конца, нет внутренней хронологии. Жизненные события соединены не по законам времени, а по «законам души» – энично, нерасчленимо, как туман. Поэтому жизнь человека может быть прочитана только как эничное целое – в логике события, и отрезки жизни не могут аутентично репрезентировать жизнь во всей ее целостности, а длительность жизни не исчерпывается горизонтальным измерением.

В зоне человек событийствует миру, а в хронотопе – бытийствует в мире. С нашей точки зрения, в хронотопе живой человек и мертвый мир разделены в бытии так же, как субъект онтологически отделен от объекта. В хронотопе *мир – это Другой человека*, который полагается прежде всего как социальный индивид, а не как живая личность. Мир в хронотопе представляет собой тела и положения вещей, существующие в пространстве и объединенные единством в отношении причинно-следственных связей – судьбой. Эон живет в действии, так же как вечность, событие и свобода, и поэтому предполагает свободу события становления. Человек – абсолютно свободное существо в своем жизненном эоне. Насколько он свободен, настолько он великодушен в смысле объема, способности что-либо понять, принять, сделать своим, настолько способен выйти за рамки своей застывшей формы, настолько велика его личность и собственное человеческое пространство-время.

Хронотопичное представление на мир **обязывает** человека «знать» свое место в пространстве и во времени – иметь мировоззрение, точку зрения, определенную позицию, статус по отношению к миру. Хронотоп мира предполагает смотрящего **на** мир субъекта и место для него вне этого мира. Такой субъект способен встать вне времени и совершить мысленный временной эксперимент с объектом. Однако заметим, человек здесь оказывается исключенным из мира: представляя картину мира, не видит там себя, но не видит и никого рядом – человек здесь принципиально одинок.

Если видов хронотопов (способов изображения пространственно-временного единства) одного и того же человека возможно огромное количество, по числу «наблюдателей», то жизнь человека и живой человек, на самом деле, единственны и уникальны. Если хронотоп – во многом эстетическая форма жизнепредставления, то жизнь и живое – больше этические формы жизнепроявления, требующие ответственной перед самим собой работы души и экзистенциального поступка лично от меня.

Два отдельных «я» могут объединиться, стать «мы» лишь в живом экзистенциальном этическом событии жизни, невыразимом посредством хронотопа (например, в любви). Хронотоп описывает лишь отдельные индивидные формы, а жизнь – это соборное явление. Это соседские, *со-бытийные* отношения мира и человека, естественные, а не «картинные»: человек здесь не встает в позу, не смотрит на мир «свысока». Сам человек является средоточием социального, источником общения, соборным существом. Он собирается в себя как общее, через приобщение общественного. Полагание «мы» субъектом живой жизни, соборная сущность жизни и человека указывают также на искусственную природу «настоящего», естественного человеческого пространства и времени, требующего усилий для своего возникновения, становления и сохранения. Жизнь, про-

странство и время в основе своей оказываются социальными категориями, формирующимися через *со-бытийную* совместность и современность людей в жизненном мире. Формой созидания жизненного пространства и времени, становления совместности и современности является живое *Со-бытие* – диалог, солидарность, единение душ, соборность (в понимании русской философии).

Хронотопичное сознание воспринимает действительность анализирующе (теоретически расчленяюще) и потому не способно видеть ее как целое. Живое эоничное целостное мышление, напротив, возможно лишь по законам души, через сердце (а не через ум), из середины, из центра, потому что только из сердца, с любовью мы можем увидеть мир не как часть, а как конкретную живую целокупность. В эоничном восприятии появляется возможность познать сущность (душу) предметов, людей, мира, увидеть их выделенно, лично, «лицом к лицу», как живое в его особости.

Если Эон выстраивает мир по закону великодушия, то хронотоп – по закону перспективы и визуализации. Так, зрение, умозрение, письмо, речь, архитектура и т. д., отвечающие принципу очевидности, являются основными хронотопичными способами упорядочения, собирания мира в целое. Хронотопичное мировосприятие работает по принципу прямой перспективы, который П. Флоренский определяет как нигилистический – этот принцип не дает «глазу покоиться созерцанием ни на одной вещи, но всегда ... <проходит> ... мимо каждой из них в беспредельность пустоты, где постепенно уничтожаются все конкретные зрительные образы и всякое нечто испаряется в ничто»; «это вечное томление духа, падающего в пустоте» [6, с. 155]. Эон, на наш взгляд, утверждает не мертвую пустоту перспективы, а живое место. Пустота – бесконечна и бесчеловечна, необустроена, пропасть; душа человека в таких условиях не может найти себе места («мятушаяся душа»). Человеку же обязательно должно быть место – конечное, ограниченное, обжитое, заполненное, внутренность, интерьер. Такое место предстает как вместилище, форма собирания (*со-вместности*) вещей и человека. Пустота же воспринимается как смерть. Если природа не терпит пустоты, то для человека пустота предстает плодотворной структурой. Живая пустота полагает границу, упорядочивает, выстраивает структуру пространства и времени, делает их фактурными, почти видимыми-слышимыми (перспектива, паузы в музыке, мышление Сократа, экстаз).

Жизненное пространство и время выстраивается диалектикой живого и мертвого, эоничного и хронологического. Философия экзистенциализма полагает постоянное умирание (выход за себя, за свои пределы, отмирание старого и перерождение) необходимым условием на пути к очеловечиванию человека, его осуществлению. Понять жизнь мы можем только через ее границы, на ее пределах. Сам человек возникает за счет нарушения собственных границ – внешних (за счет экспансии) и внутренних (интенсивный рост), через «великодушие» (расширение своего внутреннего мира новыми впечатлениями, знаниями) и саморефлексию. При этом человек может и не родиться (в философском смысле) до конца жизни, то есть не раскрыть свои потенциалы, а может и не умереть – остаться в памяти окружающих, потомков, в своих творениях, труде и т. п.

Хронотопичный взгляд работает не с действительностью, а с очевидностью жизни. По сути, это научный картезианский взгляд, который извне оформляет

человека, указывает на его обязанности и права и, следовательно, снимает с себя ответственность за действительность – выскальзывает из области этического, утверждаясь в функции наблюдателя. Поэтому такой взгляд не способен проникнуть внутрь, в душу человека – она малопроницаема для взора. Можно упустить главное, смотря на человека и мир как на хронотоп – вообще **смотря** на них, а не **участвуя** в них. Оформленный, завершённый человек – это мертвый человек, а классический хронотоп не способен дать живого человека в развитии. Эти существенные смертельные недостатки хронотопичного миро-представления человека являются, на наш взгляд, одной из основных причин кризиса классической науки и лежат, например, в основе современной проблемы этической ответственности ученых, медиков, политиков и т. д. Возможно, следует сделать шаг от мертворождающей рациональной научной культуры глаза-надзора («я-другой») в сторону живой культуры души-по(в)нимания («мы»), от наблюдения к творческой работе над собой и миром.

Summary

J.G. Khayerova. The living space and time as the form of human's self-gathering.

Space and time are not entities existing by themselves, but are constituted by the human life process. They are closely connected with the realization of the meaning of human life. The human life is defined as the form of space and time and as the process of human self-gathering in space and time by means of making the being present in time through the collects himself as a creation-“poema” in an act of autopoiesis. Only in participating co-existence to the living world man can live a real “living life”.

Литература

1. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. М. Пруст. В поисках утраченного времени. – СПб.: Изд-во Рус. Христианск. гуманист. ин-та; Журнал «Нева», 1997. – 571 с.
2. *Дильтей В.* Категории жизни // *Вопр. философии.* – 1995. – № 10. – С. 129–143.
3. *Мамардашвили М.К.* Лекции по современной европейской философии (XX век). Беседа 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1991-2htm> или <http://antropology.rinet.ru/old/mamardashvili.htm>.
4. *Делез Ж.* Марсель Пруст и знаки. – СПб.: АЛТЕЙЯ, 1999. – 187 с.
5. *Смирнов С.А.* Путь в структурах повседневности // *Человек.* – 2004. – № 6. – С. 23–34.
6. *Флоренский П.А.*, священник. Анализ пространственности «и временности» в художественно-изобразительных произведениях / Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост., ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – 446 с.
7. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. – М.: Аграф, 1997. – 320 с.
8. *Башляр Г.* Дом от погребя до чердака. Смысл жилища // *Логос.* – 2002. – № 3–4 (34). – С. 109–134.

Поступила в редакцию
11.09.07

Хаёрова Юлия Геннадьевна – соискатель кафедры общей философии философского факультета Казанского государственного университета.